

В.Н. Дядичев

«Хорошее отношение к лошадям»

В весенние дни 1918 года Маяковским написано лирическое стихотворение «Хорошее отношение к лошадям». В стихотворении отсутствуют прямые патетические или идеологические отсылки к грандиозности переживаемого момента, нет злободневных или космических образов революции и т. п. Перед нами — чисто лирическое произведение. Но здесь есть та же гуманистическая мысль: главное, по Маяковскому, ощущение молодости, обретение подлинного смысла в жизни, в работе — «и стоило жить, / и работать стоило».

В основе стихотворения — обычное, будничное для тех голодных лет происшествие: упавшая от истощения и усталости лошадь на скользкой и крутой московской улице Кузнецкий мост. За этой сценой наблюдает, смеется толпа зевак — «штаны пришедшие Кузнецким клешить». И далее — традиционная тема оппозиции поэта и толпы, одиночество героя в равнодушной и глухой толпе «зевак», сделавшей себе любопытное зрелище из чужого горя:

Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошел
и вижу
глаза лошадиные...

Это удвоение — «Подошел и вижу» — позволяет продлить, задержать в восприятии деталь, связанную с усталыми, печальными глазами лошади. Но, согласно поэту, лошадиный взгляд осмыслен — в нем «какая-то общая звериная тоска». Лирический герой обнаруживает в нем проявление общей усталости, которую переживает весь народ — «все мы немножко лошади, каждый из нас по-своему лошадь». Это «все мы...», «каждый из нас...» относится к таким, как сам лирический герой, к тем, для кого «улица... течет по-своему», но кто, в отличие от смеющихся сгрудившихся «зевак», не мыслит жизнь без поиска смысла жизни, без работы. Лирический герой ранней, дореволюционной лирики Маяковского готов был отдать все богатства своей души «за одно только слово ласковое, человечье», но... «пойди, попробуй, — как же, найдешь его!» («Дешевая распродажа», 1916). В новых революционных условиях между лирическим героем и необычной героиней — лошадью — возникает понимание, и сам герой находит нужные слова:

«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?..»

Традиционный в русской литературе образ умирающей от истощения и побоев «саврасой крестьянской клячонки» возникал ранее у Достоевского (в сне Раскольникова), у Некрасова, у Салтыкова-Щедрина... По любопытному совпадению вместе со стихотворением Маяковского появился петроградский очерк М. Горького «В больном городе» с аналогичным сюжетом — об упавшей истощенной лошади, очерк, окрашенный в мрачные тона. Но «Хорошее отношение...» — явное обновление литературной традиции. Характерные средства поэтической образности обретают в стихотворении новое содержание, само произведение, в отличие от литературных предшественников, получает оптимистическое завершение:

...лошадь
рванулась,
встала на ноги

ржанула
и пошла...

Ощущение новизны жизни, вернувшегося детства имеет своей основой глубоко гуманную логику, обращенную в будущее, жизнеутверждение, убеждение в неизбежном торжестве подлинной человечности после всех неудач и страданий.

Стихотворению в полной мере присущи характерные для Маяковского черты: яркая метафоричность, точная живописность деталей, использование олицетворения, разнообразие звукового и ритмического рисунка, оригинальность рифм. Написано стихотворение тоническим, акцентным стихом. Хотя в отдельных стихах-строках, как обычно у Маяковского, используются традиционные или «почти традиционные» стопы — ямб, амфибрахий и т. п., не ими в целом определяется ритмический рисунок стихотворения. У Маяковского особо значимым в ритме оказывается не стопа, а слово, которое выделяется, подчеркивается ударением. Важнейшим элементом ритма становится чередование ударных слов, так что количество безударных слогов между ударными отходит как бы на второй план. Это и составляет сущность тонического (от греч. *tónos* — тон, ударение) стиха.

Ритмический рисунок первых строк передает звук цоканья лошадиных копыт о мостовую:

Били копыта.
Пели будто:
— Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб.

В звукоподражательном ряду использованы слова, значимые для характеристики времени, в них слышится не только цокот копыт, но и печальные приметы будней («Грабь», «Гроб») и человеческое настроение («Груб»). В первой строфе — перекрестные концевые рифмы «будто» — «обута» и «Груб» — «круп». Но второй стих строфы — цепочка слов «Гриб... Груб» — наполнен не просто своеобразной звуковой аллитерацией. Он еще является как бы «стихом в стихе», что подчеркнуто автором и графически, записью столбиком, где каждое слово — отдельная строка. Этот «стих в стихе» образует оригинальную цепочку неточных, так называемых диссонансных рифм. Это рифмы, у которых разнятся ударные гласные, но совпадают послеударные звуки (здесь совпадают и предупредительные, что, естественно, усиливает созвучие). То же можно видеть в двух полустишиях третьего стиха: «опита» — «обута» (одновременно эта пара является рифмой — внутренней и концевой — к соответствующим полустишиям первого стиха: «копыта» — «будто»). Диссонансные рифмы успешно использовались Маяковским и в ряде других произведений (например, «слово» — «слева» — «слава», «дула» — «дола» — «дело» — концевые рифмы зачина поэмы «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского», 1923). Между тем ритмическая четкость первой строфы «Хорошего отношения...», передающая бег лошади, резко обрывается — следует междустрофический перенос: «Лошадь на круп // грохнулась...» Этот ритмический перебой позволяет акцентировать внимание на центральном сюжетном эпизоде. В последующих строфах стихотворения использован широкий спектр оригинальных — глубоких, составных, неравносложных... — рифм: «за зевакой зевака» — «зазвенел и зазвякал», «лишь один я» — «лошадиные», «в вой ему» — «по-своему», «каплища» — «тоска плеща», «в шерсти» — «в шелесте», «няньке» — «на ноги», «рыжий ребенок» — «жеребенок», «стойло» — «стоило».